

30 МАР 1965

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

Людвик
Перский:

МЫ ШЛИ К ПОБЕДЕ ВМЕСТЕ

В нашей сегодняшней публикации о польском кинодокументалисте Людвике Перском рассказ пойдет в основном о начале его творческого пути, озаренном сплосками военного времени. Грозные военные годы нашли свое отражение в документальных кадрах, в лентах боевых хроник, а также в последующих фильмах на военную тему, которых он сделал немало. Но круг интересов этого известного мастера польского кинематографа очень широк. У него есть серия фильмов о музыке: «Концерт», «Портрет дирижера», «Концерт для четырех фортепиано» и другие. Он снимал ленту об автомобильном ралли в Монте-Карло, динамичную и захватывающую, как детективный фильм. Ему принадлежит и интересная мультимедийная «Ожидание», которую хорошо знают советские зрители.

Война раскалывает семьи, разлучает близких. Мать Людвика, жившая под Варшавой, все годы после нападения немцев на Польшу ничего не знала о судьбе сына. Когда советские войска освободили правобережные районы польской столицы, ее сосед прибежал с новостью:

— Видел на площади кинохронику, показывали солдаты из передвижки. И в титрах фамилия: Перский...

— А еще какие фамилии заметил? — А нарастающей тревогой спросила мать.

— Как будто бы Воль...

Женщина всплеснула руками — и упала в обморок. Она знала, что Людвик ушел из Варшавы вместе со Станиславом Вольем. Раз их фамилии рядом — значит, жив сынок!

А еще через пару дней он и сам явился к ней, обветренный и возмужавший. Но долго не засиделся, дела звали его дальше, на запад.

— Глубоко потряс меня вид истерзанного сердца Варшавы. Может, тогда и мелькнула впервые мысль: кончим войну, возьмусь за фильм о своем родном городе. Замысел осуществил. Снял не только полнометражный фильм «Варшава», но и еще около двадцати лент, посвященных моей столице.

Мы сидим в уютных креслах за чашечками ароматного кофе. За окнами с одной стороны сквозь ветви деревьев просматривается панорама Вислы с повисшими над нею мостами и новыми кварталами на другом берегу. Трудно поверить, что ничего этого сорок лет назад не было, остались только руины и отвратительный запах пожарища...

— Да, поверить трудно, — соглашается Л. Перский. — Порой хочется забыть, что были все эти ужасы войны. Поэтому я так люблю работать над фильмами об искусстве, музыке, природе. Но ведь от жестокой гряды не спрячешь голову под подушку. Надо напоминать о пережитом людям, чтобы не притупилась у них бдительность. И еще: надо снова и снова рассказывать о тех годах, когда мы — советский и польский народы — вместе шли к Победе, когда закладывались основы нашей дружбы.

О драматических и героических страницах истории войны рассказывается в фильме «За нашу и вашу свободу», который Людвик Перский снял вместе с советским режиссером Леонидом Махначем.

— Поначалу я был озадачен предложением делать такую совместную работу, — вспоминает кинодокументалист. — Мне это показалось невозможным: все равно, думал, как если б автомобилем захотели управлять одновременно два шофера, у каждого из которых был бы собственный руль... Прилетел в Москву, увидел своего «напарника» и совсем расстроился: на двадцать два года моложе меня! Но начали мы с ним говорить, спорить, потом работать — и вот уже семнадцать лет нас водой не разлить. Снял не этот один, а еще два совместных фильма: «Рассказы о дружбе» и «Глазами друга», где я с помощью Леонида вел рассказ о Москве, а он с моей помощью — о Варшаве. Встречаемся на фестивалях, вместе несколько раз отдыхали в Доме кинематографистов в Пицунде. Не проходит месяца, чтобы не созвонились, переписываемся... Да вот, — Л. Перский достал из папки вырезку, — только что получил от Леонида.

Красным карандашом отмечены абзацы из опубликованной «Советской культурой» статьи С. Юткевича, посвященные разбору одной из картин Л. Перского.

...На улице вечернее, но нашей беседе не видно конца. Меняется уже которая кассета в диктофоне, а жалко упустить хоть маленькую деталь. Польский кинематографист вспоминает советских друзей — и сегодняшних, и давних. Звучат имена А. Довженко, М. Ромма, И. Савченко, М. Донского, Ю. Олеши, с которыми судьба сводила Л. Перского в первые годы войны. Л. Перский заканчивает сейчас большой фильм, посвященный Варшаве.

— Пока могу двигаться, хочу снимать, — говорит он. — А там посмотрим, до ста лет еще больше четверти века!..

Ю. ВАСИЛЬКОВ,
соб. корр. «Труда» —
специально для
«Советской культуры».

● Л. Перский и Л. Махнач в период работы над совместным фильмом.

— Сначала нас было пять с половиной человек, — вспоминает Людвик Перский. — Видя на моем лице недоумение, поясняет: — У моего друга оператора Станислава Волья и его жены Хелены в Ашхабаде, куда нас забросила война, родился сын. Когда мы получили вызов с предложением организовать киногруппу в формирующейся дивизии имени Тадеуша Костюшки, подписанный от имени союза польских патриотов Вандой Василевской, в телеграмме перечислялись: Александр Форд, Адольф Форберт, Людвик Перский, Станислав Воль, Хелена Воль-Виллинг, Анджей Воль. А поскольку последнему едва исполнился годик, мы и шутили: дескать, нас пятеро с половинойкой.

Мой собеседник рассказывает обо всем с доброй улыбкой, стараясь в любом, самом тяжелом испытании подметить его жизнелюбность, а подчас и комическую черту.

— Легко было написать: прибыть в Рязань. Время-то военное, 1943 год. Ну, о Ашхабаде до Ташкента добрались без особых приключений. А из Ташкента на запад было такое количество желающих уехать, что мы и пытаться не стали пробиться к кассам. Пошли на Ташкентскую киностудию. Режиссер Леонид Луков снимал там как раз «Два бойца». Съёмки велись ночью, так как днем не хватало электроэнергии. Как рассвело, режиссер откомандировал с нами на вокзал Бориса Андреева и Марка Бернеса. Вошли мы в кассовое помещение, и Андреев во всю мощь своих легких гаркнул: «Люди, знаете ли вы нас?» В толпе пронеслось: «Андреев! Бернес!» — «А это вот, — жест в нашу сторону, — друзья наши, поляки, им надо срочно уехать в польскую армию. Пропустите их, пожалуйста, без очереди!» Кто-то из толпы крикнул: «Пропустите, только пусть Бернес споет нам что-нибудь!» И Бернес... запел еще неизвестную тогда «Темную ночь». Это было, наверное, первое публичное исполнение знаменитой песни — на переполненном Ташкентском вокзале, без всякого аккомпанемента. Люди — а большинство были оправившиеся после ранений и возвращавшиеся на фронт бойцы — притихли, вслушиваясь... А потом сам собой образовался беспрепятственно прошли к кассе.

Пустой санитарный поезд, в который попали польские кинематографисты, тащился необыкновенно медленно. На одной из станций, когда уже были у Волги, кто-то посоветовал: вон подошел состав с углем, он наверняка уйдет раньше и без остановок дождется до Рязани. Недолго думая, взгромоздились на кучу угля в вагон без крыши.

В Рязань прибыли ночью. — Бродили, бродили на ощупь по рельсам, пока нас, на счастье, не арестовали, — продолжает рассказ Л. Перский. — Доставили в комендатуру. Там поначалу приняли очень строго, но, как только мы вышли на свет, раздался хохот, какого я никогда ни до того, ни после не слышал. Взглянули и мы на себя в зеркало — лица чернее антрацита, только зубы блестят!

А уже наутро, после приезда, начала свою деятельность знаменитая киногруппа «Чолувка» («Авангард»), прошедшая вместе с советскими и польскими войсками длинный и трудный боевой путь от Рязани до Берлина.

Первые фронтовые кадры были сняты в сражении под белорусским местечком Ленино 12 октября 1943 года. И тут не обошлось без курьеза. Когда привезли отснятый материал на проявку в Москву и показали его советским коллегам, раздался возглас недоверия. Солдаты-костюшковцы шли в атаку прямо на аппарат! Что это, инсценировка? Ведь настоящую атаку, каждый зна-

ет, можно снимать только со спины наступающих, иначе оператор будет сражен первой же пулей.

Все объяснилось просто. Ночью перед атакой кинооператоры пробрались на выдвинутые далеко вперед наблюдательные пункты и залегли там. И когда началась атака, оказались впереди наступающих. Дело было вовсе не в безрассудной храбрости, а в элементарном отсутствии у них фронтового опыта. Операторы получили выговор от военного начальства, зато сумели сделать уникальные кадры «в лоб».

Озвученная Юрием Левитаном и Леонидом Хмарой польская фронтовая хроника демонстрировалась в кинотеатрах Москвы.

— Это был, вероятно, первый международный успех польской кинематографии, — шутит Людвик Перский. Впрочем, в этом есть немалая доля правды: ведь «Чолувка» не только фиксировала боевые эпизоды, но и закладывала основы будущего польского кино. Подбирались люди, комплектовалось оборудование. Сразу после освобождения Люблина уже демонстрировались фильмы возрожденной Польши — хроника, снятая «Чолувкой».

Организация первой киностудии началась сразу после освобождения Лодзи. А операторы «Чолувки» шли дальше с войсками, продолжали наносить на пленку летопись событий. Сами за себя говорят названия фильмов того времени: «Майданек — кладбище Европы», «На запад», «Первый съезд профессиональных союз», «Падение Берлина».

На перекрестках военного времени произошла важная встреча в жизни Л. Перского.

— Снятый материал мы ездили обрабатывать в Москву, на студию документальных фильмов, — вспоминает он. — Наша комната помещалась на пятом этаже, а курить разрешалось только внизу, на первом. Лифты во время войны не работали. Спустился я однажды покурить и уже внизу обнаружил, что забыл папиросы в кармане шинели. Только подумал с тоской — эх, обратно карабкаться пять этажей, — как вдруг открывается дверь, и выходит очаровательная блондинка, на ходу закуривая. Поправил я мундир, щелкнул каблучками: «Пше прашем, могу ли попросить пани...» Угостила она меня папироской, затянулись мы табачком... Так до сих пор и курим вместе — более сорока лет!

Людмила Леонидовна Некрасова-Перская работала монтажницей на фильмах Е. Дзигана, М. Калатозова, Г. Александрова. А после встречи с Людвиком Перским ей суждено было стать первым монтажером послевоенного польского кино. Больше половины работающих сегодня представителей этой важной в кино специальности — ее ученики, ученики ее учеников, ученики учеников ее учеников. Конечно, и Людвик Перский большинство своих фильмов делал вместе с ней.

Вспоминая военные годы, мой собеседник не может обойти эпизода, который особенно глубоко запал в память. «По совместительству» он иногда выполнял роль диктора на радио Союза польских патриотов. Именно ему выпала честь первому зачитать в 1944 году на весь мир на польском языке Июльский манифест — первый государственный акт народной Польши.

— Стоял жаркий день, в студии было невероятно душно, — вспоминает Л. Перский. — А чтение длилось ни много ни мало сорок минут. Выскочил я «на свободу» моря, как мышь, и попал в горячие объятия ликующих людей. Оказывается, в соседнем помещении собрались члены Польского комитета национального освобождения, с волнением следившие за оглашением исторического текста...